

Минский Николай Максимович

При свете совести

Мысли и мечты о цели жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Максимович М.**
При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни / Минский Николай Макси-
мович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 244 с.

ISBN 978-5-519-96679-5

ISBN 978-5-519-96679-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

исторіи. Хотя въ другихъ странахъ народъ пользуется бѣльшими юридическими правами, чѣмъ у насъ, но истинное народовластіе существуетъ только въ Россіи, потому что только у насъ забота о судьбѣ деревни всецѣло властвуетъ надъ мыслями и чувствами интеллигенціи. За послѣдніе полвѣка у насъ не было ни одного умственнаго теченія, которое бы не исходило изъ любви къ народу и къ нему не возвращалось. Разныя партіи различно понимаютъ народную душу, но сердцевиной всѣхъ ихъ ученій одинаково остается народолюбіе. Славянофилы выдавали свое ученіе о церкви и государствѣ за откровеніе народной мудрости и въ знакъ своей связи съ народомъ надѣвали кафтаны и мурмолки, но другое движеніе, противоположное славянофильскому, тоже ссылалось на идеалы деревни и также привело къ переодѣванію въ крестьянское платье и хожденію въ народъ. Слѣдовавшее затѣмъ морально-религіозное движеніе опять неминуемо привело къ мужицкому платью и къ за-вѣту пахать землю. Наконецъ, въ послѣднее время у насъ возникло нѣчто въ родѣ философскаго движенія. Но какъ пролитая вода непремѣнно потечетъ по естественному наклонѣ почвы и скопится въ углубленіяхъ, такъ и философскія идеи у насъ не могли не направиться въ сторону народолюбія. вмѣсто философіи общество занялось мнимо-философскимъ споромъ о законахъ экономическаго развитія въ примѣненіи къ судьбамъ русскаго народа.

Чѣмъ бы ни объяснить подобное явленіе, — особенно ли притягательною силой русскаго народа, или нравственною обязанностью русской интеллигенціи загладить вѣковой грѣхъ крѣпостнаго права, иску-

пить слезы и кровь, прилитыя отцами и дѣдами, или же другими причинами, но несомнѣнно то, что народолюбіе представляетъ заколдованный кругъ русскаго сознанія и неприкосновенный палладіумъ. Только то ученіе можетъ разсчитывать у насъ на успѣхъ, которое, помимо всего прочаго, даетъ фактическія указанія, какъ лучше слиться съ народомъ и служить деревнѣ. И, ревниво оберегая свою историческую святыню, наша интеллигенція съ подозрѣніемъ смотритъ на всякую отвлеченную спорную мысль, боится философіи, эстетики и даже религіи, видитъ въ нихъ опасную помѣху, какое-то умственное баловство, способное развлечь молодые умы и сдѣлать ихъ равнодушными къ неотложному и священному дѣлу. Пусть, молъ, тамъ въ Европѣ,—такъ разсуждаютъ про себя наши народолюбцы,—досужіе люди занимаются этими общностями, которыя могутъ быть рѣшены и такъ, и эдакъ; намъ некогда участвовать въ хроническомъ спорѣ о добрѣ и злѣ, о красотѣ и вѣчности; съ насъ достаточно того простого пониманія добра и зла, которое вложено въ душу каждаго человѣка, была-бы лишь охота слушаться этого естественнаго голоса и дѣло дѣлать. Изъ всѣхъ философскихъ ученій ближе къ землѣ матеріализмъ, поэтому будемъ матеріалистами. Всѣ же идеалисты, и эстетики, и религіозные мечтатели неправы уже тѣмъ, что они парятъ за облаками; въ худшемъ случаѣ они намъ кажутся измѣнниками общему дѣлу, а въ лучшемъ — никуда негодными калѣками.

И вотъ, благодаря такому историческому недоразумѣнію, положеніе отвлеченнаго мыслителя въ нашей литературѣ становится поистинѣ тяжелымъ. Если-бы

враждебной философскому мышленію силой былъ у насъ матеріализмъ, то съ такимъ врагомъ можно было бы бороться, защищаться, нападать. Но какъ бороться съ практическимъ идеализмомъ, съ любовью къ людямъ, съ народолюбіемъ, съ тѣмъ, что само по себѣ желанно и отрадно, хотя по недоразумѣнію стало на пути къ высшему благу? Остается одно: раскрыть это недоразумѣніе въ надеждѣ на то, что правдивое слово, если оно въ самомъ дѣлѣ правдиво, должно побѣдить. Вѣдь помимо журнальныхъ и газетныхъ руководителей общественнаго мнѣнія, помимо этихъ бойкихъ людей, столь привычныхъ шумѣть и полемизировать, что переубѣдить ихъ также трудно, какъ выпрямить кривое дерево,—помимо нихъ имѣются у насъ просто мыслящіе люди, молодые и старые, не обязанные въ извѣстные сроки защищать тѣ или другія идеи, а ищущіе правды вообще. Къ нимъ-то я и обращаю свое слово.

Не только нѣтъ никакого противорѣчія между метафизикой и практическимъ идеализмомъ, но, наоборотъ, существуетъ глубокое противорѣчіе между боязною философіею и народолюбіемъ. Обратитесь къ народу, побесѣдуйте съ его лучшими представителями, и вы увидите, что ничто такъ не волнуетъ умъ и совѣсть народа, какъ вопросъ о цѣли жизни, о Богѣ и безсмертіи. Почему-же мы изъ любви къ народу должны отказаться отъ высшихъ духовныхъ благъ философіи и религіи, которыя народъ любитъ больше всего? Если народъ кормитъ насъ хлѣбомъ, то наша обязанность—сѣять и взращивать идеи, для чего у насъ больше досуга и умственныхъ средствъ, чѣмъ у деревенскаго жителя.

Но мало того: всѣ практическіе идеалы, любовь къ людямъ и любовь къ народу, не основанные на любви къ вѣчному началу жизни, неустойчивы, безсильны и бесплодны. Лучшія государственныя учрежденія существуютъ тамъ, гдѣ ихъ создавали люди глубоко религіозные и нравственно устойчивые, именно въ Англіи, Швейцаріи и Америкѣ. У насъ-же, несмотря на непримѣрную въ исторіи готовность самопожертвованія для народнаго блага, и отдѣльныя личности, и цѣлыя поколѣнія быстро изнашиваютъ свои силы и свои идеалы, разочаровываются или безслѣдно гибнутъ, такъ что художники, желая образно представить ихъ судьбу, сравниваютъ ихъ то съ клубами дыма (какъ Тургеневъ), то съ безцѣльно горящимъ лѣсомъ (какъ Достоевскій). Можно оплакивать ихъ гибель, но ей нельзя удивляться; она неизбежна, какъ неизбежно было бы паденіе пирамиды, построенной вершиною внизъ. Такъ именно построено міросозерцаніе русской интеллигенціи, которая проповѣдуетъ идеализмъ въ вопросахъ матеріальныхъ и матеріализмъ въ вопросахъ идеальныхъ, которая смотритъ въ землю, когда рѣчь идетъ о небесномъ и глядитъ на небо, когда рѣчь идетъ о земномъ.

Любовь къ людямъ—чувство производное и шаткое. Кого мы вчера любили, сегодня можемъ разлюбить и даже недоумѣвать, какъ могли мы любить такое лживое и ничтожное существо. И любовь къ народу, переходя отъ мечтаній на школьной скамьѣ къ дѣйствительному служенію въ деревнѣ, приводитъ насъ къ столкновенію не съ идеальными существами, а съ живыми людьми, имѣющими много хорошихъ и дур-

ныхъ сторонѣ, часто недовѣрчивыми, полными предразсудковъ и жестокими, какими мы ихъ видѣли хотя-бы во время холерныхъ бунтовъ. Чтобы устоять въ борьбѣ случайностей и самолюбія, изъ которыхъ состоитъ всеневная жизнь, нужно внутренно быть свободнымъ отъ людей и обстоятельствъ и полюбить святыню не отъ міра сего. Но святыни-то и нѣтъ въ сознаніи современнаго общества, а есть множество мнимыхъ святынь, и въ извѣстномъ смыслѣ культурные люди стали опять идолопоклонниками, потому что покланяются землѣ и тлѣну. Вокругъ нихъ лежать обломки старыхъ святынь, и они бродятъ среди этихъ развалинъ невѣдомо куда съ застывшей гримасой насмѣшки и недовѣрія.

Къ счастью, божество является людямъ не только во внѣшнемъ откровеніи авторитета и вѣры, но и во внутреннемъ откровеніи критики и разума. Наступаетъ время, когда въ свободной и безбурной атмосферѣ философіи воскреснетъ не только понятіе о святынѣ, но и живая легенда бога, возникнетъ новый храмъ, и освобожденное человѣчество снова обрѣтетъ таинства и молитвы.

О, если-бы это время поскорѣе пришло! Только въ мечтахъ о немъ и забываешь горечь настоящей минуты.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемая книга посвящена исключительно вопросу о верховной цѣли жизни. Рѣшеніе этого вопроса настолько необходимо для совѣсти и настолько превышаетъ силы разума, что всякій, кто чувствуетъ въ томъ нравственную потребность, можетъ рѣшать его, не рискуя быть обвиненнымъ въ самопѣніи. Частныя истины, какъ частныя дома, для однихъ доступны, а для другихъ нѣтъ,—но вопросы о святѣхъ, о верховной цѣли міра, подобно храмамъ божьимъ, открыты для всѣхъ.

Никто не призванъ разгадать великую загадку бытія, поэтому всякій рѣшаетъ ее для себя; я пришелъ къ ея рѣшенію послѣ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній и колебаній. Три части, изъ которыхъ книга состоитъ, были задуманы и написаны въ разное время, съ большими промежутками; по внутреннему настроенію, ихъ проникающему, онѣ относятся между собою, какъ полночь, предразсвѣтныя сумерки и день. Говорю это съ цѣлью предупредить читателя, пусть онъ не принимаетъ мрачныхъ воззрѣній на жизнь, выраженныхъ въ первой части, за окончательное міросозерцаніе автора, а смотреть на нихъ, какъ на

фундаментъ, который, по необходимости, складывается въ отдаленіи отъ свѣта.

Многимъ, знаю, предметъ этой книги покажется празднымъ и безцѣльнымъ. Въ наше время большинство образованныхъ людей убѣждено въ томъ, что для счастья нужны научныя знанія, нравственныя чувства, но вѣра въ какую-то верховную цѣль жизни—излишняя вещь. Роковое заблужденіе! Вѣра въ верховную цѣль жизни также необходима для души, какъ воздухъ—для тѣла.

Конечно, воздухомъ сытъ не будешь, но разрѣдите вокругъ человѣка атмосферу—и никакая пища ему въ прокъ не пойдетъ. Тоже происходитъ и въ мірѣ нравственномъ. Никто не живетъ вѣрой въ конечную цѣль міра; послушать людскія рѣчи, такъ никто даже и не помышляетъ объ этой философской превыспренности, а каждый занятъ своимъ прагматическимъ дѣломъ. Но отнимите у человѣка вѣру въ цѣлесообразность міра, лишите совѣсть этой незримой, идеальной атмосферы,—и она поражается неизлечимымъ недугомъ. Наступаетъ нравственная асфиксія; душѣ тяжело дышать; она медленно и какъ будто безпричинно угасаетъ; въ ней каждое чувство и каждое движеніе воли внутренне поражено, обезсилено, подточено равнодушіемъ къ жизни и ужасомъ смерти.

Нѣтъ страшнѣе болѣзни, чѣмъ сомнѣніе въ цѣлесообразности міра! Поражая душу художника, она дѣлаетъ его или разслабленнымъ эстетикомъ, врагомъ добра и людей, или-же убиваетъ въ немъ вдохновеніе, обезцвѣчиваетъ, какъ сѣрный дымъ, цвѣты фантазіи, превращаетъ художественные замыслы въ голые скелеты разсужденій о добрѣ и злѣ.

А въ среднемъ человѣкѣ эта болѣзнь, незамѣтно для него самого, производитъ еще бѣдшїя опустошенїя, убиваетъ въ немъ вкусъ добра и зла, энергію нравственнаго чувства, раздираетъ покровы стыдливости и долга и какъ-бы обнажаетъ сердцевину души...

И эта зловѣщая, духовная немочь растетъ, на-двигается, налетаетъ! Я чую ядовитое дыханіе ея, роковая печать горитъ на всемъ окружающемъ—на литературѣ, на общественной жизни, на правахъ. Человѣко-ненавистничество натурализма, теорїя о борьбѣ за существованіе, взаимная ненависть національностей, идеаль крови и желѣза, мелепитные патроны, утонченныя формы разврата, вытравленіе плода, ставшее основою семьи, манїя величїя, манїя самоубійства, утилитарїанизмъ и пессимизмъ, сравненіе добродѣтели съ порокомъ скупости (у Милля), сведеніе міровой любви на ненависть къ міру (у Шопенгауэра), признаніе міроваго разума шуллеромъ (у Ренана), великія событія, какъ военные походы и научныя теорїи, маленькія происшествїя, какъ записка самоубійцы или сцена у второстепеннаго романиста—все вопіетъ объ одномъ и томъ же: приближается страшная болѣзнь, гибнетъ вѣра въ цѣлесообразность міра, а безъ этой вѣры жить нельзя!

И вотъ когда не только умомъ поймешь опасность, но собственнымъ сердцемъ восчувствуешь мучительность этой болѣзни вѣка, тогда кажется, будто ты вступилъ въ мрачное подземелье, откуда нѣтъ исхода. Обычныя совѣты моралистовъ — любить ближняго, жить, какъ живутъ простые люди, окунуться въ дѣйствительную жизнь — оказываются бесполезными и

праздными. Любить ближняго, конечно, лучше, чѣмъ ненавидѣть его, но какимъ образомъ верховная цѣль моей жизни можетъ заключаться въ любви къ такому-же безцѣльному и жалкому существу, какъ я самъ? Вѣдь ближняго нужно любить только, какъ себя самого. Ну, а если себя самого презираешь— что тогда? Кричать съ закрытыми глазами: любите ближнихъ! легко и удобно, такъ какъ всякая аудиторія непременно состоитъ изъ этихъ же «ближнихъ», которымъ, по меньшей мѣрѣ, выгодно, чтобы ихъ любили. Но кто безповоротно отвергъ и презрѣлъ свое собственное самолюбіе, тотъ не согнетъ колѣнъ ни передъ самолюбіемъ ближняго, ни передъ самолюбіемъ народа, ни даже передъ самолюбіемъ чело- вѣчества... Если въ жизни таится верховная цѣль, то любовь къ людямъ есть лишь одно изъ средствъ, можетъ быть, совершеннѣйшее средство къ достиженію этой цѣли, но не цѣль.

Столь же бесполезнымъ оказывается совѣтъ жить, какъ живутъ простые люди, окунуться въ живыя волны народныхъ идеаловъ. Вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поддавшись этому совѣту, я отправился пожить среди молоканъ, въ робкой надеждѣ (въ которой самъ себѣ не признавался), авось услышу простые слова, которыя чудомъ замирятъ мои сомнѣнія и противорѣчія. Увидѣлъ я трезвыхъ людей, занимающихся земледѣліемъ, извозомъ, торговлей, знающихъ наизусть евангеліе и любящихъ «собесѣдовать», присутствовалъ на ихъ моленіяхъ, проводилъ вечера и ночи въ «собесѣдованіяхъ» съ молодыми и старыми, раскрывалъ свою душу и взамѣнъ выслушивалъ наивныя рѣчи по поводу разныхъ умствен-

ныхъ и душевныхъ предметовъ и, въ особенности, по поводу жгучаго вопроса, волновавшаго Кавказъ и Волгу, раздѣлившаго современное молоканство на два толка, вопроса о какихъ-то «узилищахъ», о томъ, гдѣ именно, «у престола» или «подъ алтаремъ», будутъ находиться наши души послѣ смерти? Я разстался съ этими простыми людьми раньше, чѣмъ предполагалъ, унося съ собою въ сердцѣ большую любовь и большое разочарованіе. Какимъ образомъ споры объ «узилищахъ» могли-бы разрѣшить сомнѣнія моей совѣсти, до которыхъ народъ не доразвился? Пусть народъ молодъ и здоровъ душою, а мы стары и больны. Какъ-же мы можемъ исцѣлиться отъ прикосновенія съ молодостью и здоровьемъ? Вѣдь это все равно, какъ если бы дряхлаго старика, еле волочащаго ноги, привести въ общество молодыхъ гимнастовъ и сказать ему: смотри, какъ здоровые двигаются и исцѣлись! И мы нѣкогда были молоды душою, не меньше народа, и народъ, современемъ, заболѣетъ нашими сомнѣніями. Старость побѣждаетъ молодость, а не наоборотъ; старость сильнѣе молодости, болѣзнь сильнѣе здоровья, смерть сильнѣе жизни и сомнѣнія сильнѣе невѣдѣнья...

Что-же сказать о послѣднемъ совѣтѣ — забыть всякія мудрствованія и отдаться интересамъ обыденной жизни? Вѣдь обыденная жизнь и есть омутъ той суеты и хлопотни, которыя возмущаютъ совѣсть своею безцѣльностью. Обыденная жизнь—это занятіе землепашца, мельника, булочника. Но если ѣда не составляетъ верховной цѣли жизни, то, очевидно, землепашецъ, мельникъ и булочникъ не воплощаютъ въ своей дѣятельности цѣли жизни, а лишь снаб-